

гневно взывает к Гильому, что он не похож на сына Робера Гискара, завоевавшего Антиохию и Монжизар, а скорее представляется бастардом, которому бы впору было только оказаться аббатом в Сито¹. После того как Феодор принял в Фессалониках титул императора, казалось, что под его скипетром опять возродится национальное эллинское царство, ибо власть Ангелов теперь распространилась от Дураццо вплоть до Фессалийского побережья.

Это эфирское царство, врезываясь клином, препятствовало непосредственному единению между латинцами в Константинополе и франкскими ленными государствами в Элладе; приобрети эфирское царство характер непреходящий, оно могло бы, пожалуй, подавить все мелкие феодальные государства в Элладе.

Но эта опасность миновала франкские государства, так как центром притяжения для всех образовывавшихся на Балканском полуострове славянских и греческих государств неизменно являлась не Эллада, но Босфор; целью их стремлений всегда являлась мировая столица Константинополь, а не Афины и не Коринф. На этой же цели сосредоточились и все стремления императора в Никее, когда по смерти знаменитого Ласкариса в 1222 г. престол занял не менее энергичный пасынок покойного, Иоанн Ватацес.

Таким образом в это время на развалинах древнего царства Комненов вступили в состязание три императора — слабосильный латинский, сидевший на Босфоре, и два могучих его противника — греческие государи Фессалоник и Никей, из коих каждый добивался чести сделаться законным правопреемником константинопольской державы. Если бы оба туземных государя вступили дружно в союз, они несомненно уничтожили бы латинскую империю. Но ревность разъединила их и превратила в соперников. Кроме того, налицо оказалась еще и четвертая держава, с которой пришлось считаться.

¹ Elias Cairel, Mahn. Die Werke der Troubadours. III, 1 выпуск, стр. 93. Diez. Leben. u. Werke der Tr., p. 559. На взгляд поэта завоевание Фессалоник представлялось таким пустяком, что маркграфу не пришлось бы для этого прибегать ни к метанию камней, ни к метательным орудиям.